

УДК 1М
ББК 87.21

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ НА НОРМЫ ФИЛОСОФСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА ¹

Н.Г. Баранец, О.В. Ершова

В статье исследована нормативно-ценностная система отечественного философского сообщества первой половины XX века. Акцент сделан на негативном влиянии идеологии общества на систему критериев оценки творчества советского философа. Показано, что ленинский принцип партийности стал тем идеологическим фактором, под воздействием которого изменились отношения внутри научного сообщества и закономерности формирования философской традиции, а также произошла политизация философского дискурса.

Ключевые слова: норма, философское творчество, оригинальность, респектабельность, принцип партийности, профессиональная этика.

Философское сообщество, как полноправный член научного сообщества, представляет собой особый социум, обеспечивающий условия создания, сохранения, воспроизводства, трансляции философской традиции, функционирует посредством системы социально установленных норм, идеалов и образцов поведения, которые отбирают наиболее перспективные и продуктивные принципы и способы действия. Идеалы и нормы предстают как ценностные ориентации внутри философского творчества и научного исследования в сфере философии, на основе которых строится теоретизирование философа, оцениваются и отбираются формы и способы организации знания, описания и объяснения, образцы доказанности, обоснованности, аргументированности знания. На изучение ценностно-нормативного аспекта философской деятельности, носителем которой является профессионально философствующий субъект, направлена данная статья. Основная цель публикации – реконструировать систему критериев оценки философского творчества, отечественного философского сообщества периода первой половины XX века, находивше-

гося под идеологическим влиянием марксистско-ленинской философии. Для методологии проводимого исследования существенным оказался когнитивно-культурологический подход, позволяющий исследовать нормы философии как социального института и формы поведения философов, содержание философского знания в зависимости от культурных ресурсов.

Советское философское сообщество формировалось под воздействием новой государственной идеологии, оно в глазах власти рассматривалось как орудие распространения и обоснования этой идеологии, что наложило отпечаток на его деятельность. По мере становления марксистской парадигмы члены формирующегося советского философского сообщества пришли к выводу, что советская философия должна отличаться от остальной, буржуазной философии. Причем это отличие должно быть не только в содержательном аспекте, но и в формальном – в способе получения и представления результатов философствования. Поэтому система критериев, с которыми следует подходить к оценке творчества советского философа, стала предметом осмысления. В.И. Ленин говорил, что «новейшая философия так же партийна, как две тысячи лет тому назад» [6, с. 343]. Он весьма определенно выразил то, что заложено в существе марксизма: философия как мировоззрение отражает ин-

тересы определенного класса, и «нейтральной» философии нет.

Поэтому в 20-е годы XX века принцип партийности стал применяться как подход, позволяющий найти правильный ракурс рассмотрения теоретической или историко-философской проблемы. В анализе философских работ в этот период чаще использовалась система оценок, включающая репрезентативность, историческую востребованность, аргументированность, оригинальность.

Правда, понимание этих критериев было сужено по сравнению с дореволюционным периодом. Если ранее критерий репрезентативности предполагал знание автором всей философской традиции, умение оценивать современный философский контекст, то для советского философа он означал знание в первую очередь социалистической и марксистской мысли. Подозрение как раз вызывали те авторы, которые проявляли излишнюю осведомленность в том, что было за пределами марксистской традиции. По словам Я. Стэна, «среди марксистов Интернационала была распространена очень плохая теоретическая привычка принимать не всего Маркса, а только отдельные его части... Всех этих Фрицев и Максов Адлеров неудержимо влечет к себе безвкусная и жиденькая каша махистской и кантианской философии» [9, с. 82–83].

Критерий оригинальности понимался не как принципиальная новизна, самостоятельность, а как нахождение нового ракурса, нового смысла в рамках марксистско-ленинских идей. Заявка автора на принципиальную оригинальность вызывала резко отрицательное отношение. «Не раз и не два партия предупреждала уклоны в сторону от пролетарской линии благодаря тому, что блюла – пусть над этим сколько угодно смеются мещане всех сортов и рангов – свою марксистскую чистоту... – говорит Н. Бухарин. – Между тем находятся «оригиналы», для которых этот партийный закон отнюдь не писан. К числу таких оригиналов в первую очередь принадлежит Э. Енчмен» [1, с. 128].

Историческая востребованность превратилась в практическую значимость и пользу для дела революционного строительства или значения идеи для формирования и развития единственно верной, исторически прогрессив-

ной марксистской философии. «Опыт в области философии и социологии отчетливо выявил ту истину, что буржуазия в состоянии правильно, научно отражать действительность только до известных пунктов. Дальше дело продвижения может быть осуществлено только в атмосфере, насыщенной рабочим движением...», – заключает В. Сарабьянов [8, с. 125].

Аргументированность по-прежнему предполагала логическую обоснованность и внутреннюю связь входящих в концепцию положений. Ситуация изменяется в 1929–1931 годах, когда борьба между группами в философии перешла с философских дискуссий на политический уровень. Обычные аргументы и доказательства перестали действовать, все заменил принцип партийности. П. Юдин так писал по этому поводу: «Одним из важнейших моментов, свидетельствующих о непонимании нашими философскими “маэстро” партийности философии, является непонимание ими роли партии и ее, ЦК, не только как практического, но и теоретического центра. Они не понимают того, что партийная политика, решение съездов и ЦК партии есть подлинно ленинская диалектика, истинно диалектический синтез революционной теории и революционной практики» [10, с. 35].

Против такой вульгаризации принципа партийности выступили деборинцы. Я.Э. Стэн неоднократно доказывал, что можно говорить о политике в области философии, но нельзя рассматривать философию как частную форму политики. Н.Н. Карев заявлял, что философия должна формулировать общие синтетические задачи, улавливать общие направления научного и теоретического развития, а «не успевать делать все за всех» [5, с. 159]. М.Б. Митин не мог отрицать, что философия своеобразна по отношению к политике, но на практике это верное теоретическое положение, заявлял он, у разных уклонистов превращается в недооценку роли ЦК. Он обвинял Я.Э. Стэна и Н.Н. Карева в антипартийности, абстрактности, академичности [7, с. 36].

В результате принцип партийности стал средством политической борьбы со всем, что на данный момент попадало под несоответствие практике социалистического строительства. Вульгаризаторский социологизм стал господствовать в оценках как философской тра-

диции, так и современной ситуации. Принцип партийности требовал «разоблачить» классовые корни философских систем, все идеалистические учения объявлялись реакционными, а материалистические – прогрессивными. Проявление принципа партийности состояло и в постоянных ссылаках на классиков. Для обоснования своей точки зрения становится достаточным сослаться на канонический текст классиков марксизма-ленинизма. От верности интерпретации цитаты зависело, будет ли признано репрезентативным теоретическое положение.

Складывается особая система критериев оценки философского творчества. Истина, в сущности, была известна и не нуждалась в доказательстве. Был продекларирован отказ от академичности, объективности, аргументированности. Философское творчество в области истории философии понималось как продолжение, элемент общей социальной борьбы классов и партий, поэтому оно должно быть партийно. «“Беспартийная” история философии, кичащаяся своим “объективизмом”, есть разновидность враждебной пролетариату партийности, особая манера проносить партийность сквозь историю философии, совершенно аналогичная “бесклассовому” государству, праву, морали, искусству. Буржуазная партийность в философии есть неизбежно извращение истории философии, фальсификация ее, в соответствии с интересами класса, представляемого идеализмом, в то время как большевистская партийность требует борьбы с извращениями и идеалистическими натяжками в истории философии, борьбы за адекватное познание развития идей таким, каково оно есть...» [2, с. 60–61]. Важнейшей чертой марксистско-ленинской методологии истории философии считалось умение обнаружить истину в классовой идеологии и умение вскрыть классовую идеологию в движении познания к истине. Отступление от этой позиции оценивалось либо как «болото объективизма», либо как «трясина релятивизма» (см.: [там же]).

Критерий критичности доводится до гипертрофически абсурдного вида и превращается в требование тотальной самокритики и покаяния, особенно у философа, чьи идеи подверглись критике «бдительных товарищей».

Во всех дискуссиях, рецензиях и обсуждениях книг реализовывалась эта весьма спе-

цифическая, «советская» шкала оценки философского творчества, в которой главным был принцип партийности. Например, в Институте философии Академии наук СССР в январе 1948 года под председательством директора института Г.Ф. Александрова было организовано обсуждение книги Б.М. Кедрова «Энгельс и естествознание». В обсуждении участвовало большое количество философов, естественников, и оно носило показательный характер. Открывая обсуждение, Г.Ф. Александров призвал присутствующих к серьезной, принципиальной и острой, но вместе с тем и товарищеской критике.

Перед началом обсуждения Б.М. Кедров кратко изложил содержание и основную идею книги, состоящую в том, чтобы показать на материале естествознания подготовку и развитие марксистского диалектического метода. В порядке самокритики он признал, что неправильно применил в книге термины, в частности «границы природы», «границы познания».

Самыми жесткими критиками были А.А. Максимов, З.Я. Белецкий, которые виртуозно использовали «советскую» систему критериев философствования. А.А. Максимов повторил отрицательную оценку книги, которую он дал в рецензии, опубликованной в газете «Культура и жизнь». По его мнению, книга Б.М. Кедрова порочна в главнейших своих частях и содержит ряд частных ошибок. Основные пороки книги: эклектичность, софистика, схоластика, метафизичность, отход от марксистско-ленинской партийности, примиренчество к буржуазным воззрениям. Отдельные положительные стороны книги не меняют ее общей отрицательной оценки. А.А. Максимова поддержал З.Я. Белецкий, заявивший, что книга Б.М. Кедрова является незамаскированным изложением философии естествознания на основе гегелевской логики и натурфилософии [3, с. 320].

Тем не менее большинство выступавших на дискуссии естественников и философов, отметив ряд существенных недостатков книги, оценили ее как положительное явление в советской философской литературе. Было отмечено, что книга Б.М. Кедрова дает систематическое и оригинальное изложение естественнонаучных отрывков «Диалектики природы» Энгельса. В прениях указали на твор-

ческую разработку в книге Б.М. Кедрова таких вопросов, как: «соотношение неточностей» в квантовой механике, проблема классификации наук.

Из высказанных замечаний уточняющего характера, имеющих научный смысл, стоит упомянуть Д.И. Блохинцева, указавшего на наличие в книге ряда неточных и двусмысленных формулировок, например в вопросе о так называемых границах познания. Кроме того, Б.М. Кедрову, в свете борьбы с космополитизмом, вменяли недооценку роли и значения русских ученых в развитии науки и философского мышления (Г.С. Васецкий).

В своем заключительном слове Б.М. Кедров согласился с частью высказанных критических замечаний. По ряду вопросов он возражал своим оппонентам. В частности, автор считал правильной данную им философскую интерпретацию «соотношения неточностей», подчеркивая, что его постановка вопроса, сохраняя физическое содержание теории Гейзенберга, позволяет полностью отменить агностические выводы из нее, преподносимые идеалистами. Б.М. Кедров признал, что недостаточно подробное и ясное изложение им вопроса о месте диалектики в общей классификации наук привело к недоразумениям. Он протестовал против недобросовестного способа изложения его взглядов А.А. Максимовым, который умышленно опускает то, что сказано в книге, и приписывает автору то, чего там нет.

Несмотря на ряд очень неприятных и опасных замечаний, Б.М. Кедрову удалось достаточно легко выйти из этого обсуждения, потому что естественники и философы, принимавшие участие в дискуссии, его поддержали. Но так было далеко не всегда, и авторам приходилось мучительно каяться в порядке самокритики в тех ошибках, которые они якобы допустили.

Подобная ситуация не могла не отразиться на качестве философских работ. В 1948 году появилась статья М.Д. Каммари «О недостатках диссертаций по историческому материализму», в которой отмечены наиболее часто встречающиеся недостатки диссертационных работ. В качестве двух основных бед диссертационных исследований он называет или схематизм, связанный с оторванностью от практики, или описательность, связанную с отсутствием теоретических обобщений.

Первым недостатком работ названа тенденция в сторону догматизма, схоластики, цитатничества. Диссертанты пытаются делать свои выводы не из анализа живой действительности, а путем всяких сомнительных аналогий и параллелей. «Они “забывают”, что положение, бывшее правильным и достаточным в одной исторической обстановке, может оказаться недостаточным, односторонним и прямо неверным в другой исторической обстановке» [4, с. 358].

М.Д. Каммари отмечал, что на почве такого абстрактно-схоластического подхода к вопросам теории неизбежно вырастают различные схоластические споры. Устранить эти споры можно только путем конкретного анализа изучаемого вопроса. Для того чтобы доказать свою точку зрения, необходимо опираться не только на принципиальные соображения, но и на факты.

Работы диссертантов грешили неумеренным цитатничеством, под которым понимается не наличие множества цитат или перефразирований своими словами, а такое положение, когда цитирование осуществляется механически, не понимая смысла, содержания и значения приводимых положений.

Второй, не менее часто встречающийся недостаток теоретических работ в области философии – это описательный характер. Факты и явления просто констатируются без анализа их источников и причин, без раскрытия их внутренней и внешней взаимосвязи, не показываются движущие силы, законы развития и значение борьбы различных тенденций в развитии данного явления. Авторы таких работ не умели расчленивать вопросы и четко сформулировать задачи исследования. В работах отсутствовала внутренняя логика и развитие мысли.

Качество диссертационных исследований оставляло желать лучшего, но в условиях действия субъективизированного принципа партийности и волюнтаризма философского истеблишмента это было неизбежно.

Сложившаяся система критериев оценки результатов креативности отразилась и на требованиях, которые предъявлялись к философским работам. Дух эпохи воплотился в характере рецензий, которые по преимуществу были полемическими, критикующими и очень

редко информационно-нейтральными. От философских работ, независимо от их жанра, будь это статья в энциклопедии, монография или учебник, требовалось, чтобы они служили примером боевой партийности и целеустремленности в освещении вопросов общественной науки, в борьбе с буржуазной, реакционной идеологией. Не встречаются в рецензиях этого периода требования логической аргументированности, оригинальности и глубокой осведомленности об исторической традиции философии.

Таким образом, данная направленность ленинского принципа проявилась в высокой степени политизации философского дискурса, что повлияло на форму его организации (внешнюю и внутреннюю организацию философского текста). Проникновение норм политической дискуссии и их санкционирование вело к снижению уровня философских работ, падению уровня компетентности, искажению правил и норм научной коммуникации, деформации научной этики и критериев рациональности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме «Инновационный потенциал науки в контексте эпистемологического и историко-методологического анализа науки» и гранта РГНФ по теме «Нормативно-ценностные ас-

пекты формирования естественно-научной традиции в России на рубеже XIX–XX веков».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухарин, Н. И. Ечмениада / Н. И. Бухарин // Атака. – М. : Правда, 1924. – С. 120–132.
2. Быховский, Б. Ленин и некоторые вопросы истории философии / Б. Быховский // Под знаменем марксизма. – 1931. – № 1. – С. 45–62.
3. Гейвиш, Ю. Г. Обсуждение книги Б.М. Кедрова «Энгельс и естествознание» / Ю. Г. Гейвиш // Вопросы философии. – 1949. – № 1–2. – С. 317–323.
4. Каммари, М. Д. О недостатках диссертаций по историческому материализму / М. Д. Каммари // Вопросы философии. – 1948. – № 2. – С. 358–364.
5. Карев, Н. Выступление на заседании президиума КомАкадемии / Н. Карев // Разногласия на философском фронте. – М. ; Л. : Правда, 1931. – С. 157–160.
6. Ленин, В. И. Собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : ОГИЗ, 1947. – Т. 14. – 500 с.
7. Митин, М. К вопросу о партийности философии / М. Митин // Революция и культура. – 1930. – № 19–20. – С. 34–38.
8. Сарабьянов, В. Назревший вопрос / В. Сарабьянов // Спутник коммуниста. – 1923. – № 20. – С. 123–127.
9. Стэн, Я. Об ошибках Гортера и тов. Степанова / Я. Стэн // Большевик. – 1924. – № 11. – С. 81–85.
10. Юдин, П. Некоторые итоги философской дискуссии / П. Юдин // Правда. – 1930. – 18 окт. – С. 32–36.

IDEOLOGICAL INFLUENCE ON STANDARDS OF PHILOSOPHY ACTIVITIES IN THE USSR IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

N.G. Baranets, O.V. Ershova

The normative value system of the soviet philosophy society in the first half of the 20th century is investigated. This article emphasizes a negative influence of the society ideology on the evaluation criteria system of soviet philosophers' creative work. Lenin's party-spirit principle became the external value (ideological) factor that changed the relations within the scientific society and the formation regularities of the philosophical tradition formation. The philosophy discourse underwent certain politicization.

Key words: *standard, philosophy creation, originality, respectability, party-spirit principle, professional ethics.*